DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-131-143
УДК 316.7

Юлия Олеговна Молчанова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3700-4737
E-mail: volim9102@gmail.com

Высокообразованные молодые таджикские мигранты в Москве: стратегии самоидентификации и этнические границы

АННОТАЦИЯ. С помощью качественных методов исследования в работе анализируются этнические границы молодых высокообразованных таджикских мигрантов в Москве. Исследование проводилось в столице в 2021–2022 гг. Использовались тесты Куна —Макпартленда («Кто я?»), тест на типы этнической идентичности Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой для выявления типа этнической идентичности информантов, а также глубинные, полуструктурированные интервью. Интервью с каждым информантом длилось как минимум три часа. В основном мы опирались на качественные методы, так как для нас было важно понять, как наши информанты (всего шесть человек) характеризуют и описывают себя, свою этничность, ее границы, как ее воспринимают. Общим у информантов было то, что все они являются мигрантами первого поколения, окончили школы в Таджикистане (пятеро из шести опрошенных) или Узбекистане (один информант), но получили высшее образование в России, один из них учился также в Германии. Цель статьи — определить стратегии самоидентификации и выстраивания этнических границ у молодых таджикских мигрантов с высшим образованием и высокими компетенциями в Москве. Для этого мы рассматривали проблемы стереотипизации, расиализации и этнизации, с которыми сталкивались наши информанты, и то, как они воспринимают помещение их самих в те или иные этнические и расовые категории. Также мы рассматривали нарративы и практики, с помощью которых конструируются этнические границы в принимающем обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этничность, таджикские мигранты, мигранты Москвы, этнические границы, этническая идентичность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Молчанова Ю. О. Высокообразованные таджикские мигранты в Москве: стратегии самоидентификации и этнические границы. *Кунсткамера.* 2023. 2(20): 131–143. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-131-143

Yulia Molchanova

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3700-4737
E-mail: Volim9102@gmail.com

Highly Educated Young Tajik Migrants in Moscow: Strategies of Self-Identification and Ethnic Boundaries

ABSTRACT. This article analyzes the ethnic boundaries of young, highly educated Tajik migrants in Moscow using qualitative research methods. The study was conducted in the capital city in 2021–2022. In the course of the research we used the Twenty Statements Test (TST) by Kuhn and McPartland ("Who am I?"), the test on the types of ethnic identity by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova to identify the type of ethnic identity of informants, as well as in-depth, semi-structured interviews. Interviews with each of the informants lasted at least 3 hours. In this study, we primarily relied on qualitative methods, as it was important for us how our informants (n = 6) characterize and describe themselves, how they describe their ethnicity, its boundaries, and how they perceive it. What the informants had in common was that they were all first-generation migrants, they had graduated from schools in Tajikistan (n = 5) or Uzbekistan (n = 1), but had received higher education in Russia, one of them had additionally studied in Germany. The aim of this article is to identify the self-identification and ethnic border construction strategies of young Tajik migrants in Moscow with higher education and high competences. To do this, we looked at the problems of stereotyping, racialization, and ethnicization that our informants encountered and how they perceived their placement into particular ethnic and racial categories. We also examined the narratives and practices through which ethnic boundaries are constructed in the host society.

KEYWORDS: ethnicity, Tajik migrants, Moscow migrants, ethnic borders, ethnic identity

FOR CITATION: Molchanova Yu. Highly Educated Young Tajik Migrants in Moscow: Strategies of Self-Identification and Ethnic Boundaries. *Kunstkamera.* 2023. 2(20): 131–143. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-131-143

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобализации, казалось бы, трудно не согласиться с М. Кастельсом, который писал, что индивидуум все чаще выстраивает картину мира не вокруг того, что он делает, а вокруг того, чем и кем он является, обращаясь к «первичным» источникам идентификации: этническому происхождению, религиозной или территориальной принадлежности, национальным границам (Кастельс 2000: 27). Однако стоит помнить, что подобный подход актуален не для всех. Бывает, что вопросы этничности для информантов не представляют актуальности, пока их не задаст в интервью исследователь или пока респондентов не «определят» в ту или иную группу в процессе социального взаимодействия. В этой связи нам бы больше хотелось говорить вслед за Р. Брубейкером об идентификации как о процессе, а не как о чем-то стабильном (Брубейкер 2012), помня, что на наше осознание «тождественности» и принадлежности чему-то могут влиять ситуация и контекст.

Что же касается некоторых из «первичных источников», то в западных дискурсах термины «этничность» и «раса», обычно разводимые в отечественной науке, до сих пор рассматриваются как взаимозамещающие, хотя их содержание и значение менялись в течение времени. Общим местом для этих категорий выступает то, что они вплетены в вопросы, связанные с политикой, господством и властью (последние воплощаются в способности представителей одной группы навязывать свои категории принадлежности другой и соотносить группы согласно этой навязанной иерархии). В подобной иерархии, как правило, доминирующая группа, закрепляя социальные границы, занимает лидирующее статусное положение (Jenkins 2008).

Р. Брубейкер и вовсе предлагает отойти от рассмотрения группы как чего-то имеющего очерченные границы, уделяя более пристальное внимание социальным категориям (Брубейкер 2012). Различение группы и категории выступает эффективной объяснительной моделью в ситуации, когда этничность становится своеобразной проблемой для тех, кто подвергается категоризации, и здесь уже этничность или ее актуальность становится аскриптивной, так как индивидуума «помещают» в определенную категорию, занимающую место в иерархии. По сути при таком подходе социальную категорию можно рассматривать как концепт, вокруг которого риторически, визуально, практически выстраивается система коннотаций и значений, соответствующих действительности в большей или меньшей степени. Определение социальных категорий для той или иной группы или индивидуума может заключаться в этнизации и расиализации. В. А. Шнирельман отмечает, что нередко на уровне обыденных представлений и в публичном пространстве этническая категория и в России расиализируется (Шнирельман 2014).

Рассмотрение категоризации, стереотипизации и помещения представителей той или иной группы в различные иерархические структуры, на наш взгляд, может показать, как функционируют этнические границы в российском обществе, в том числе тогда, когда информанты владеют социальным и символическим (а в некоторых случаях и финансовым) капиталом, маркирующим их принадлежность к так называемому среднему классу. Для этого вкратце остановимся на понятии «этническая граница».

Об этнических границах как о механизмах конструирования этнических групп писал еще Ф. Барт (Barth 2010). Заслуга в концептуализации этого понятия во многом принадлежит американскому социологу Р. Альбе. В статье, посвященной этой теме, он указывал, что, «перейдя» этническую границу, представитель той или иной группы может получить доступ к возможностям, предлагаемым группой большинства. От того, *что* именно является этой границей, зависит и то, по какому аспекту в большей степени происходит ассимиляция. В качестве демаркационных критериев он рассматривал гражданство, религию, расу, язык. И если этничность «лучше всего рассматривать как границу с символическими и социальными аспектами», то этническая граница — это различение, которое формирует действия акторов и их ориентации в отношении других акторов (Alba 2005: 22). Конкретное значение этническим границам придают культурные

и социальные различия между группами. В то же время этнические различия не статичны, на них могут влиять изменения, возникшие по любую сторону границ.

Цель предлагаемой статьи — определить стратегии самоидентификации и выстраивания этнических границ у молодых таджикских мигрантов с высшим образованием и высокими компетенциями. Для этого мы рассматривали проблемы стереотипизации, расиализации и этнизации, с которыми сталкивались наши информанты, и то, как они воспринимают помещение их в те или иные этнические и расовые категории. Кроме того, чтобы понять, каков ответ на интеграцию в принимающее сообщество «по ту сторону границы», мы рассматривали нарративы и практики, с помощью которых в нем конструируются этнические границы.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось с 2021 по 2022 г. в Москве. Метод исследования — глубинное полуструктурированное интервью. Также мы использовали тесты Куна-Макпартленда («Кто я?») (Татарко, Лебедева 2011: 7) и тест на определение типов этнической идентичности Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой (Солдатова, Рыжова 2008: 140). В основном в своем исследовании мы опирались на качественные методы, так как для нас было важным, как наши информанты (n = 6) характеризуют себя, как они описывают свою этничность, ее границы и как ее воспринимают. Интервью с каждым информантом длилось минимум три часа.

Все информанты — мигранты первого поколения, окончили школы в Таджикистане (n = 5) или Узбекистане (n = 1), но получили высшее образование в России, один из них дополнительно учился в Германии. Двое из информантов имеют техническое образование (программист и инженер), трое — гуманитарное образование (юрист, востоковед-арабист и продюсер), одна девушка имеет медицинское образование. По специальности работают трое из них, все остальные трудятся в других областях, применяя при этом знания, полученные в вузе. На момент написания статьи один из информантов защитил кандидатскую диссертацию. Самому младшему информанту — 22 года, а самому старшему — 27 лет. Гендерный состав респондентов следующий: две женщины (в тексте — С. и Л.) и четверо мужчин (А., Д., К., С. М.). В целом респонденты, участвовавшие в кейсе, получают доход как ниже среднего по Москве (n = 3), так и выше среднего по Москве (n=3), то есть менее или более 100 тыс. руб. (средний доход в месяц по данным Росстата). Объединяющими для них были несколько показателей:

— все определяли себя как таджики;
— все получили высшее образование, окончив вузы, которые относятся к списку ведущих в Москве (n = 5) и Санкт-Петербурге (n = 1); один из респондентов, окончив бакалавриат в России, получил степень магистра в Германии, сейчас снова живет в России;
— у всех высокие показатели владения русским языком, что выражается не только в грамотной письменной и устной речи, но и в слабо выраженном акценте или его полном отсутствии в устной коммуникации.

Мы не претендуем на то, чтобы результаты этого исследования были обобщающе экстраполированы на кластер высокообразованных мигрантов в целом, однако, на наш взгляд, исследование может показать, как практики «приписывания» этничности функционируют в ходе взаимодействия высокообразованных мигрантов с различными институтами принимающего общества.

ЭТНИЗАЦИЯ И РАСИАЛИЗАЦИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

Согласно Т. Х. Эриксену, даже если раса выступает в некотором роде социальным конструктом, то ее стоит изучать «как часть локальных дискурсов об этничности», если в конкретном изучаемом обществе важна идея расы (Eriksen 2010: 6). В российском обществе расиализация как увязывание культурных особенностей с биологически наследуемыми признаками пусть

и имплицитно, но присутствует. Поэтому в данном разделе мы бы хотели рассмотреть механизмы этнизации и расиализации, с которыми сталкивались наши информанты.

Наглядный пример чистой этнизации и условной расиализации (условной, потому что если речь заходит о таджиках, то их относят к европеоидной расе, а представление о расе на обыденном уровне скорее конструкт, а не подход, основанный на научном дискурсе), помещающей индивидуума в определенную иерархическую структуру, так называемое этническое профилирование в метро Москвы, когда для проверки документов останавливают граждан «с неславянской внешностью», «азиатов», «гостей из стран Средней Азии», «гостей из стран ближнего зарубежья», которые автоматически помещаются в категорию «мигранты» по внешним признакам. Интересно, что некоторые наши информанты-таджики, обладающие внешностью, которая соответствует стереотипу о внешности условного среднестатистического москвича, противоположному образу так называемого Видимого Другого (Дробижева 2015: 82), говорили о том, что их либо никогда не останавливали для проверки в метро, либо делали это крайне редко «по сравнению с другими» (ПМА, К.). Так, один информант указал, что за пять лет жизни в Москве, его остановили только дважды: когда он «выглядел и одет был как типичный работяга-мигрант» (ПМА, К.) и второй раз на станции метро Лесопарковая, через которую проходит большой поток людей, направляющихся в многофункциональный центр (МФЦ) в Сахарово для оформления необходимых мигрантам документов, когда на исходе пандемии он шел без маски. Второй случай он увязал с попыткой контролеров воспользоваться стереотипной «наивностью» мигрантов, так как тогда уже можно было не носить медицинскую маску:

> Инф.: Они знают, что там ездят в основном мигранты, так как там миграционный центр. Я был без маски, тогда только разрешили это. Они меня пробовали остановить, хотели оштрафовать.
>
> Соб.: А что сделал ты?
>
> Инф.: Я сказал, что есть разрешение, они не имеют права и просто ушел, даже не остановившись. Денег хотели, очевидно же.
>
> Соб.: Почему остановить пытались именно тебя?
>
> Инф.: Явно мигрант — кто еще там будет что-то «ловить»? — и без маски. Думали, наверно, что, как все, растеряюсь.

Отметим, что сам факт остановки тех, кто выглядит «как работяга-мигрант», может быть сопряжен также с социальной стратификацией, в рамках которой этничность связывается с уровнем дохода. Информанты говорили о том, что мало обладать «восточной», «азиатской» внешностью, нужно еще выглядеть «бедно и оттого неуверенно» (ПМА, Д.). Именно в сочетании этих характеристик, по их мнению, увеличивается шанс быть остановленным полицейским в метро. Таким образом, дискриминация приобретает не только этнические характеристики, но и социальные.

Этнизация и расовые нарративы «эссенциализируют» природу членов группы. Объект расиализации, его действия, привычки, характеристики помещаются в жесткие рамки «неизменного», «присущего по природе» той группе, к которой его относят. Одними из основных маркеров эссенциализации членов группы выступают гетеростереотипы. Так, о «выходцах из Средней Азии» (уже сама это формулировка помещает в одну категорию культурно и лингвистически разнообразные этнические группы) можно услышать, что «они всегда “тащат” с собой всю семью» (ПМА, мужчина 62 года), «заселится один — потом их будет десять» (ПМА, женщина, 75 лет). Помимо негативных стереотипов в ходе исследования мы встречали также позитивные: «они не пьют» (ПМА, женщина 34 года), «они трудолюбивы и не бросают своих детей» (ПМА, мужчина, 52 года). Стереотипы важны в изучении социальных границ, так как могут выступать своеобразным способом рационализации защиты последних («Я не хочу иметь дело с ними, потому что они...») или, напротив, их смягчения («Лучше я буду иметь дело с ними, потому что они...»). Отметим, что стереотипы в совокупности могут образовывать часть социального пространства, которая впоследствии присваивается объектом стереотипизации (Brubacker 2015: 38–39).

Другим примером конструирования границ могут выступать практики в институциональном пространстве, которые как раз маркируют увязывание категоризации с вопросами господства и неравенства. В книге «Основы различий» (“Grounds for Difference”), ссылаясь на Ч. Тилли, Р. Брубейкер поднимает тему неравенства и то, как можно проследить механизмы категоризации на уровне институтов:

> Теорию категориального неравенства Тилли развил в «Устойчивом неравенстве» (1998), где он фокусируется на организациях — фирмах, госпиталях, университетах и государствах — как ключевых местах неравенства. Организации играют ключевую роль, потому что неравенство в богатстве, доходе, престиже, здоровье и даже в базовой физической безопасности все чаще опосредуется позицией в формальных организациях (Brubaker 2015: 12).

И если Ч. Тилли показывал это на примере неравенства в профессиональной сфере, то Р. Брубейкер рассматривает гражданство как своеобразную, во многом предрешенную позицию в мире, «поделенном» на политические образования. Гражданство как маркер принадлежности к ним может, таким образом, продуцировать неравенство, помещая его носителя в определенную категорию.

Мы решили проследить существование категоризаций на примере взаимодействия наших респондентов с российскими институтами, функция которых заключается в контроле миграции. С. Н. Абашин описывал пространство миграционного контроля как то, что «множит» неопределенность (Абашин 2022). Мигрант находится в ситуации постоянной нестабильности, так как в любой момент его статус может поменяться с легального на нелегальный. Абашин пишет про периодические «сбои и поломки» в этой системе, мы же можем это подкрепить рассказами наших информантов о том, как они внезапно обнаруживали «запрет на въезд» в Россию, хотя никакого закона не нарушали и как студенты обязаны были явиться в вузы к началу учебного года. Запрет снимался, но это отнимало время и силы.

Принимавшие участие в нашем исследовании люди не являются гражданами Российской Федерации, что накладывает на них определенные юридические обязательства, соблюдение которых делало неизбежным посещение Миграционного центра в Сахарово. Наши информанты — обладатели разрешения на временное проживание или вида на жительство, одна из девушек имеет аккредитацию от Посольства Узбекистана. Оплачивать патент им не надо, но практически каждый из них при оформлении документов сталкивался с системой миграционного контроля.

Согласно общим нарративам, добиться успеха при подаче и оформлении документов с первого раза невозможно. Объяснительные модели в этой ситуации используются разные. Так, один информант считает, что дело не в неправильном оформлении документов, а в том, что всякий раз, когда меняется сотрудник, который должен принять документы, «правила игры» тоже могут поменяться. «Один сказал: “Принеси этот документ, и больше не надо”. Приезжаю на следующий день, другой уже говорит, что нужен еще один документ. Говорю: “Ваш же сотрудник говорил, что он не нужен!” Ответ: “Теперь нужен”» (ПМА, С. М.). Вот еще одно свидетельство другого информанта: «Пока я сидел в очереди, чтобы просто подать документы, ко мне подсела женщина-таджичка и сказала, что тут есть те, кто приходит восемнадцатый раз!» (ПМА, К.).

В качестве объяснения этой ситуации информанты также могут использовать нарративы о собственной невнимательности, с одной стороны, и дотошности сотрудника — с другой: «Они придираются к каждой точке!» (ПМА Д.).

Здесь, как правило, мигранты понимают, что обладают высокими языковыми и социальными компетенциями и прекрасно понимают требования служащих. Однако в одних случаях ответственность за неудачу информант перекладывал на себя: «не донес» (ПМА, Д.), «у меня вечно что-то со временем происходит» (ПМА, С.), — а в других — на работу системы. Так, на вопрос «Почему невозможно решить вопросы с документами за одно посещение МФЦ?» некоторые мигранты

отвечают, что у сотрудников МФЦ есть определенный «стандарт» — не принимать ничего с первого раза. Также в качестве пояснительной модели используются нарративы о выгоде: «Представляешь, сколько они зарабатывать могут с каждого приезда мигранта туда?» (ПМА, К.). И откровенного негативного отношения к мигрантам.

Стоит отметить, что пространство миграционного контроля — это то, что заставляет даже успешных (по меркам принимающего общества) мигрантов, свободно владеющих русским языком, осознающих свой уровень образования и языковых компетенций, ориентированных на интеграцию в принимающее сообщество и задействованных в профессиях, которые ценятся в обществе высоко, иногда чувствовать себя униженными, чувствовать себя как те, кого воспринимают негативно. Подобное взаимодействие в рамках института «встраивает» мигрантов в определенную иерархию, где их гражданство делает их ниже по социальному статусу, чем сотрудника МФЦ, на тот период, пока они действуют в рамках институционального поля. Некоторые мигранты остро осознавали ситуационную зависимость, рассказывая, что на откровенное хамство, при встрече с которым вне стен МФЦ информант мог бы дать не менее хамский ответ, им «приходилось очень вежливо» (ПМА, К.) отвечать.

Однако крайне негативное отношение к сотрудникам контролирующих институтов встречалось в нашем кейсе только один раз. Чаще всего используются оправдывающие сотрудников нарративы: «Люди бывают везде разные. Им каждый день приходится общаться с людьми, которые могут вообще русский не знать, и приходится им все объяснять по пальцам. Представляешь?» (ПМА, С.).

В порядке, установившемся в сфере миграционного контроля, наличие паспорта гражданина Таджикистана может стать проблемой для «прохождения» этнической границы, когда все остальное: деньги, «устроенность», владение языком, наличие высокооплачиваемой работы, высокий уровень потребления — доступны для мигранта. Именно гражданство — то, что выступает причиной необходимого взаимодействия мигрантов с контролирующими органами, то, что «множит неопределенность» (в термине С. Н. Абашина). Однако, в отличие от мигрантов, которые оплачивают патент ежемесячно, для обладателей вида на жительство и разрешения на временное проживание, не обязанных это делать, подобное взаимодействие — это нечастое «выпадение» из, как правило, структурированной повседневности и рутины. И здесь как раз важным выступают не только документы, которые легализуют местонахождение мигранта, а отсутствие проблем с жильем, сравнительно высокий уровень жизни, который конвертируется в маркеры статусности (дорогие вещи, наличие машины или возможность пользоваться услугами такси вместо общественного транспорта и т. п.). Однако все это может «не работать» в миграционном центре, где мигранту «выделяется определенная ниша». Один из респондентов рассказал историю, которая с ним приключилась именно в Сахарово. Он был в поисках работы и на тот момент оплачивал патент. В очередной раз по приезде в Сахарово произошла еще одна «поломка», когда он не смог с первого раза получить нужные документы. Он задал сотруднику риторический вопрос: «Зачем я оплачиваю патент, если мне все равно трудно найти работу, соответствующую моему уровню квалификации?» Сотрудник на это ответил: «Иди, как все твои, работай на стройке, там найдешь» (ПМА, К.). Здесь важно то, как наш респондент передавал эту историю и на чем он акцентировал внимание при рассказе. Он почувствовал, что его помещают в некую абстрактную категорию «своих», конструируемую сотрудником только на основании таджикского гражданства респондента. Причем на его взгляд эти «свои» характеризуются тем, что должны занимать определенную нишу и им приписывается определенный уровень квалификации.

Тем не менее мы не замечали актуализации нарратива о принадлежности к мигрантскому сообществу как к социальной группе в среде наших информантов в их повседневности. Они не актуализируют нарративы о миграционном опыте, не воспринимают его как лишение. Напротив, переезд в Москву воспринимается ими как то, что дало им возможности развиваться и выражать свою индивидуальность (ПМА, С., Д.), хотя нельзя сказать, что они не сталкиваются со

стигматизацией и стереотипизацией в своей жизни. Однако они рассказывают об этом как о казусе, неприятности, которая с ними случалась, «вторжении» чего-то иного в устроенную рутину, а иногда и вовсе как о забавной нелепице. Так, один из информантов рассказал, как на приеме у врача его спросили, чем он занимается. Когда он сказал, что преподает в вузе и занимается исследовательской работой, врач, предварительно спросив, кто он по национальности, в дружелюбной манере удивилась тому, что он «такой умный, хоть и из Таджикистана» (ПМА, А.). Нельзя сказать точно, что она не удивилась бы, родись наш информант в Москве, но он придал этому определенное значение, рассказывая как о забавном, нелепом случае.

Кроме того, в «арсенале» у каждого из наших информантов есть история о том, как они искали жилье для аренды. Очень часто хозяин или хозяйка квартиры, услышав нерусское имя, клали трубку. Социологические исследования показывают также, что мигрантам очень трудно встать на миграционный учет, арендуя квартиры, так как большинство арендодателей отказываются их регистрировать (Григорьева, Эндрюшко 2021), что существенно осложняет процесс легального «вхождения» в правовое поле РФ.

В этой связи возникает вопрос: если «конкретная конструкция этнической границы является функцией от социального контекста» (Варшавер 2016: 64), которая «присваивается» в ходе социализации, усвоения языка, установок, а также паттернов поведения при взаимодействии с той или иной группой, которые интернализируются и буквально присваиваются, то какой тип взаимодействия с мигрантскими сообществами избирается представителями принимающего сообщества? Здесь, на наш взгляд, можно выделить несколько примечательных моментов.

1. Можно проследить конструирование таких категорий, как «таджики», «мигранты», и объединение этих категорий в единое целое.

2. Категоризация таджикских мигрантов происходит по следующим основаниям: внешность, имя, гражданство (последнее актуализируется особенно сильно либо при взаимодействии в институциональном поле, либо когда государственные институты выступают как посредники взаимодействия, например при заключении договора аренды, когда нужно предъявить паспорт).

3. Внутренние мигранты «славянской внешности» не категоризируются так же, как внешние мигранты по вышеописанным основаниям. В Москве они могут восприниматься как естественная функция от поликультурности и экономической развитости мегаполиса. Внешняя миграция тоже может восприниматься как естественное явление, с которым, однако, все время надо что-то «решать» и «делать». Это, с одной стороны, конструируется нарративами СМИ, а с другой — эти же нарративы отражают установки как повестку.

4. Восприятие внешних мигрантов «со славянской внешностью» и со всеми условными атрибутами «славянскости», но не с российским гражданством — на наш взгляд, интересная тема для исследований и сопоставлений. Исследования 2014 г. показали, что москвичи в основном не против породниться с ними, что выступает показателем отсутствия отторжения, которое в этом же исследовании наблюдается по отношению к мигрантам из Средней Азии и Кавказа (Полетаев и др. 2014).

5. На наш взгляд наблюдается дистанцирование от этнических внешних мигрантов, а если точнее, то отведение им определенных пространств, взаимодействие с которыми мыслится как вынужденное. «Естественны» для мигранта в подобной парадигме профессиональные ниши, которые им «отводятся» и которые «закрепляются» за ними доминирующей группой: торговля, стройка, ремонтные работы, курьерская доставка, работа в такси и т. п. Соответственно взаимодействие принимающего и мигрантского сообществ обусловлено необходимостью получить те блага, которые предоставляет пространство, в которое «помещаются» мигранты. Примечательно, что в исследовании Центра «Ромир» 47,2% москвичей заявили, что у них нет личных контактов с мигрантами (Космарская, Савин 2021: 97), что практически невозможно в таком крупном мегаполисе, как Москва.

6. При интеграции мигранта в то пространство, которое в представлении члена принимающего сообщества он не должен занимать, могут «включаться» различные стратегии для объяснения подобного положения. Эти стратегии зависят от психологических установок представителя доминирующей группы, степени его открытости/закрытости для других культур, а также от опыта взаимодействия с конкретной этнической группой. Человек, который привык взаимодействовать с успешными таджикскими мигрантами, очевидно, не будет удивляться тому, что они есть. Иногда же происходит своеобразное «выведение» из категории, когда объект категоризации начинает рассматриваться как «другой» по отношению к группе, к которой его приписывают, что помещает его для субъекта категоризации в своеобразное «пограничье».

В целом социальный капитал представителя принимающего сообщества, предоставляющий ему «доступ» к высокостатусным позициям, которые могут занимать также этнические внешние мигранты, способствует нормализации подобного взаимодействия. Этому же можно найти подтверждения в социологических исследованиях, которые показывают, что повышение обеспеченности и финансового благополучия обратно коррелирует с рассмотрением миграции как проблемы (Мукомель 2021).

САМОВОСПРИЯТИЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Восприятие социальной действительности, готовность преодолевать трудности, связанные с адаптацией в принимающем сообществе, во многом зависят от самовосприятия респондента, его установок. В работе Г. А. Монусовой в качестве оптики рассмотрения личных установок членов принимающего общества на миграцию приводится социокультурный подход, в рамках которого исследуются психологические установки индивида или групп, их самооценки и выявляется корреляция с восприятием социокультурных других (Монусова 2021). Этот же подход, на наш взгляд, можно применить к мигрантам. Согласно психологическим исследованиям, устойчивость к стрессу, открытость новому, восприятие других зависят от степени доверия к миру и отношения к нему в целом. Внутренний локус-контроль и установки на то, что мир — безопасное место, коррелируют с положительным восприятием носителей другого опыта и культуры. В данном разделе мы бы хотели рассмотреть, как наши информанты выстраивают стратегии самоидентификации в контексте восприятия себя и своего места в мире.

В нашем исследовании информанты характеризовали себя как уверенных в себе людей, для которых одним из важнейших приоритетов в жизни выступает профессиональное и личностное развитие, а также персональная свобода, а не реализация традиционных сценариев, трансляторами которых, по их мнению, выступали их семьи.

Их миграционный опыт привел к тому, что в ходе решения проблем, связанных с адаптацией к новым для них условиям Москвы, их самооценка и самовосприятие существенно изменились. Они в большей степени стали полагаться на себя и на свои силы и ждут того же от членов их расширенных семей. Значение традиционных коммуникативных сетей, включавших расширенную семью, друзей и сверстников в Таджикистане, стало меньше, а вариантов выстраивания сценариев жизни больше. «В Москве я стала свободнее, я поняла, что могу развиваться, как я захочу, выглядеть, как хочу, и никому до этого дела нет. А там все со свободой не так» (ПМА, С.); «Здесь я стал увереннее в себе» (ПМА, Д.). Для информантов свобода — это возможность развиваться профессионально, экономически, не только высказывать свое мнение по различным вопросам, но и в том числе выражаться через внешний вид, дружить с кем они хотят и самостоятельно выбирать себе спутника (спутницу) жизни: «Для меня не была принципиальной национальность моего мужа, в отличие от мамы» (ПМА, Л.). При выборе друзей и партнеров для построения семьи, по их свидетельствам, они будут больше уделять внимание уровню образования человека, его уму, открытости миру. Ни один из респондентов в ходе нашего исследования не указал национальность и этническое происхождение в числе важных критериев для себя в выборе друзей и спутников

жизни. Один информант отметил, что если раньше его родители считали, что их невестка «должна быть таджичкой, то теперь ей следует быть таджичкой — must превратилось в should» (ПМА, А.), однако для него этничность будущей супруги не имеет никакого значения.

По сообщениям некоторых информантов, различные взгляды на индивидуальную свободу в выборе жизненных стратегий, во многом оформившиеся уже после переезда Москву, стали выступать причиной разной интенсивности конфликтов с родительской семьей. При этом информанты не отказываются от того, что они считают «традиционным воспитанием», для них оно также выступает одним из регуляторов их поведения, но они, по их мнению, сами возлагают на себя этот контроль, сами выбирают, что отнести к концепции «традиционного воспитания» из совокупности этических установок:

> Я не считаю себя остро прям таджиком, но если ты меня спросишь, что для меня быть таджиком, то это воспитание (ПМА Д.).

> Для меня важно воспитание, я считаю себя воспитанным человеком, я не перейду на «ты» с человеком, пока мы с ним об этом не договоримся (ПМА С.).

Среди совокупности социальных идентичностей в большей степени они обращаются к профессиональной идентичности. Так, использование теста Куна-Макпартленда показало, что в числе первых самоописаний наши информанты используют отношение к профессиональной нише, в которой они задействованы: «я — специалист по фармакологии» (ПМА, С.); «я преподаю и занимаюсь наукой» (ПМА, А.). Также в числе первых характеристик выделяются личностные черты, что говорит о высокой степени саморефлексии:

> Я пытаюсь понять, что во мне есть от меня, а что навязано мне (ПМА, С.М.)

> Я человек, с определенными взглядами, которые могут не совпадать с мнением других (ПМА, Д.).

> Я тихая, спокойная, но во время работы мне приходится поддерживать беседу, чтобы людям вокруг меня было комфортно (ПМА, С.).

> Я человек в первую очередь (ПМА, Л.).

Тест на типы этнической идентичности Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой показал, что у всех информантов высокие показатели положительной этнической идентичности и низкие показатели этнофанатизма и этноизоляционизма. Они не отрицают свою этничность, но она играет для них не настолько важную роль, как профессиональные сети, работа и финансовое развитие. К стереотипам они относятся с юмором и способны «включать» самоиронию при обсуждении этнических взаимоотношений. Для них важнее, чтобы уровень их жизни соответствовал уровню жизни условного «среднего класса» (высокий доход, умственные виды труда, наличие досуга и развлечений). Также можно выделить позитивную оценку своего места в жизни.

При этом нами также отмечено, что в выстраивании своих жизненных стратегий и сценариев будущего наши информанты мало ориентируются на расширенную семью, а в некоторых случаях и вовсе вступают в конфронтацию с «традиционно настроенными» родственниками в таких вопросах, как сфера профессиональной деятельности, личная жизнь, проведение досуга. Актуализации семейной идентичности у них не наблюдается, иногда даже складывается впечатление, что они отталкиваются от семейного примера как от антипримера: «Я своим родителям

сказал, что жить, как живут они, не хочу. Для меня важно зарабатывать деньги на свою квартиру, на машину и иметь возможность отдыхать» (ПМА, К.).

Отметим, что информанты чаще склонны полагаться на себя, собственные навыки и способности при достижении успеха, стараясь не пользоваться символическим капиталом их семей, что не отменяет наличие высоких оценок уровня взаимовыручки, когда речь заходит о друзьях. При этом на первый взгляд может показаться, что дружеские сети их построены по линии этничности, так как основной дружеский круг информантов, по их сообщениям, составляли в основном таджики, но в ходе глубинных интервью выяснилось, что этничность их друзей играет не самую важную роль. Существенным в построении дружеских сетей оказался факт знакомства до миграции или знакомство после миграции в процессе адаптации к принимающему сообществу, когда друг мог помочь им сориентироваться в первостепенных задачах, в сочетании с личностными характеристиками и взглядами их друзей, которые информанты характеризовали как «современные».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Москва как мегаполис характеризуется тем, что дает широкое пространство автономии при выборе идентичностей. Поликультурность и полиэтничность большого города предлагают хорошие возможности для изучения функционирования этнических границ. Респонденты свидетельствуют, что периодически сталкиваются с соотнесением себя по этническим категориям, однако для них самих этничность не играет существенной роли в повседневной жизни. Чаще всего, по их сообщениям, они ощущают свою «инаковость» по отношению к принимающему сообществу в институциональном пространстве, когда государство выступает как посредник или несет контролирующую функцию. В данной ситуации наличие гражданства другого государства встраивает респондентов в определенную иерархическую структуру, где они не занимают доминирующие позиции. В то же время вне институционального пространства респонденты могут позитивно оценивать свое место в мире, так как их компетенции, навыки и уровень образования способствуют наличию высокого уровня жизни.

Наш кейс совпадает с результатами исследования Мишеля Ламонта, который заметил, что в маленьких городах в среде среднего класса этническая идентичность играет гораздо меньшую роль, чем уровень жизни, персональные достижения и все, что условно можно отнести к классовым атрибутам (Lamont 1992). Те же данные получились при изучении успешных темнокожих профессоров (Lamont, Fleming 2005).

Проведенное нами исследование показало, что высокообразованные таджикские мигранты с высокими показателями языковых и социальных компетенций, рассматривая этничность в положительном ключе, больше опираются на то, что они сами могут развивать и «добывать» — навыки, компетенции, личностные характеристики. По их сообщениям, им напоминают об их этничности и происхождении гораздо чаще извне, чем они сами вспоминают об этом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2021–2022. Полевые материалы автора, 2021–2022 гг.

Росстат: федеральная служба государственной статистики: рынок труда, занятость и заработная плата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 09.01.2023).

Абашин С. Н. Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 5–25.

Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27, № 1. С. 114–134.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Варшавер Е. А. Этнические границы в местных сообществах: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016.

Григорьева К. С., Эндрюшко А. А. Доступ мигрантов к жилью в Москве: методика оценки и результаты экспериментального исследования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 29–41.

Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2000.

Космарская Н. П., Савин И. С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111.

Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458.

Мукомель В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 53–68.

Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 140–146.

Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Шнирельман В. А. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Alba R. Bright vs. Blurred Boundaries: Second-generation Assimilation and Exclusion in France, Germany, and the United States // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28, no. 1. P. 20–49.

Barth F. Introduction to Ethnic Groups and Boundaries: The social Organization of Cultural Difference // Selected Studies in International Migration and Immigrant Incorporation. 2010. Vol. 1. P. 407–437.

Brubaker R. Grounds for Difference. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2015.

Eriksen T. H. Ethnicity and nationalism: Anthropological Perspectives. 3rd ed. Londres: Pluto Press, 2010.

Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations. Los Angeles: Sage, 2008.

Lamount M. Money, Morals, and Manners: the Culture of the French and American Upper-Middle Class. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Lamont M., Fleming C. M. Everyday Antiracism: Competence and Religion in the Cultural Repertoire of the African American Elite // Du Bois Review: Social Science Research on Race. 2005. Vol. 2, no. 1. P. 29–43.

REFERENCES

Abashin S. N. Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma [Russian Roulette for Migrants: The Production of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 5–25. (In Russian)

Alba R. Bright vs. Blurred Boundaries: Second-generation Assimilation and Exclusion in France, Germany, and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, 2005, vol. 28, no. 1, pp. 20–49.

Barth F. Introduction to Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. *Selected Studies in International Migration and Immigrant Incorporation*, 2010, vol. 1, pp. 407–437.

Britvina I. B., Mogil'chak E. L. Tipologiia zhitelei rossiiskogo megapolisa po otnosheniiu k inoetnichnym migrantam [Typology of Residents of the Russian Metropolis in Relation to Migrants of Different Ethnicity]. *Mir Rossii*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 114–134. (In Russian)

Brubaker R. *Grounds for Difference*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2015.

Drobizheva L. M. Potentsial mezhnatsional'nogo soglasiia: osmyslenie poniatiia i sotsial'naia praktika v Moskve [The Potential of Interethnic Harmony: Understanding the Concept and Social Practice in Moscow]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 11, pp. 80–90. (In Russian)

Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*, 3d Edition. Londres: Pluto Press, 2010.

Grigor'eva K. S., Endriushko A. A. Dostup migrantov k zhil'iu v Moskve: metodika otsenki i rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniia [Migrants' access to Housing in Moscow: Evaluation Methodology and Pilot Study Results]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 29–41. (In Russian)

Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations*. Los Angeles: SAGE, 2008.

Kastel's M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: Gosudarstennyi universitet Vysshaia shkola ekonomiki Publ., 2000.

Kosmarskaia N. P., Savin I. S. Otnoshenie moskvichei k migrantam skvoz' prizmu kontaktnoi gipotezy [The Attitude of Muscovites Towards Migrants Through the Prism of the Contact Hypothesis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 1, pp. 94–111. (In Russian)

Lamont M. *Money, Morals, and Manners: the Culture of the French and American Upper-Middle Class*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Lamont M., Fleming C. M. Everyday Antiracism: Competence and Religion in the Cultural Repertoire of the African American Elite. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 2005, vol. 2, no. 1, pp. 29–43.

Monusova G. A. Otnoshenie k migrantam: mneniia i somneniia rossiian [Attitude Towards Migrants: Opinions and Doubts of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 6, pp. 436–458. (In Russian)

Mukomel' V. I. Migratsionnaia situatsiia i migranty v vospriiatii rossiian [Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2021, no. 1–2, pp. 53–68. (In Russian)

Shnirel'man V. A. *Porog tolerantnosti: Ideologiia i praktika novogo rasizma.* [Threshold of Tolerance: Ideology and Practice of the New Racism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. (In Russian)

Soldatova G. U., Ryzhova S. V. Tipy etnicheskoi identichnosti [Types of Ethnic Identity]. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokof'ieva T. Yu, Kravtsova O. A. *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of Individual Tolerance]. Moscow: Smysl Publ., 2008, pp. 140–146.

Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii* [Methods of Ethnic and Cross-cultural Psychology]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2011. (In Russian)

Varshaver E. A. *Etnicheskie granitsy v mestnykh soobshchestvakh: teoretiko-metodologicheskii analiz. Dissertatsiia na soiskanie stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Ethnic Boundaries in Local Communities: A Theoretical and Methodological Analysis. Candidate Dissertation of Sociology]. Moscow, 2016. (In Russian)

Submitted: 13.01.2023
Accepted: 18.05.2023
Published: 10.07.2023